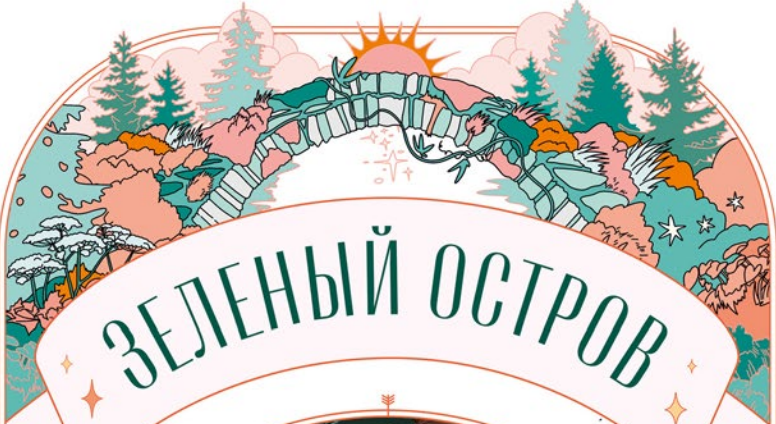

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

АННА ДЖЕЙН

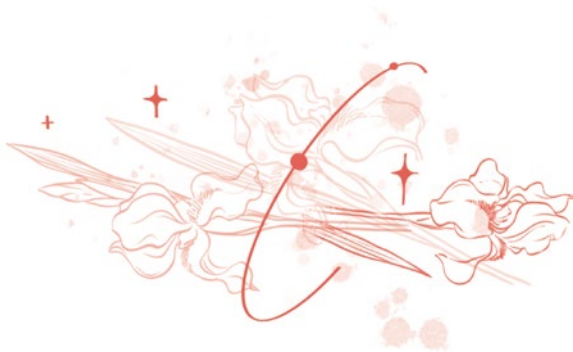
Анна Джейн

Зеленый
остров

В большом океане жизни —
 безрадостной или беспечной,
В той самой, в которой
 совсем ничего не просто,
В той самой, в которой не существует
 ничего вечного,
У каждого должен быть свой зеленый остров.

Остров, на пляже песочном которого
 можно вытянуть
Ноги босые, усталые, сбитые в кровь на суше.
Глядя на звезды, чувствовать,
 что связаны прочными нитями,
И вместе с прибоем дыхание острова слушать.

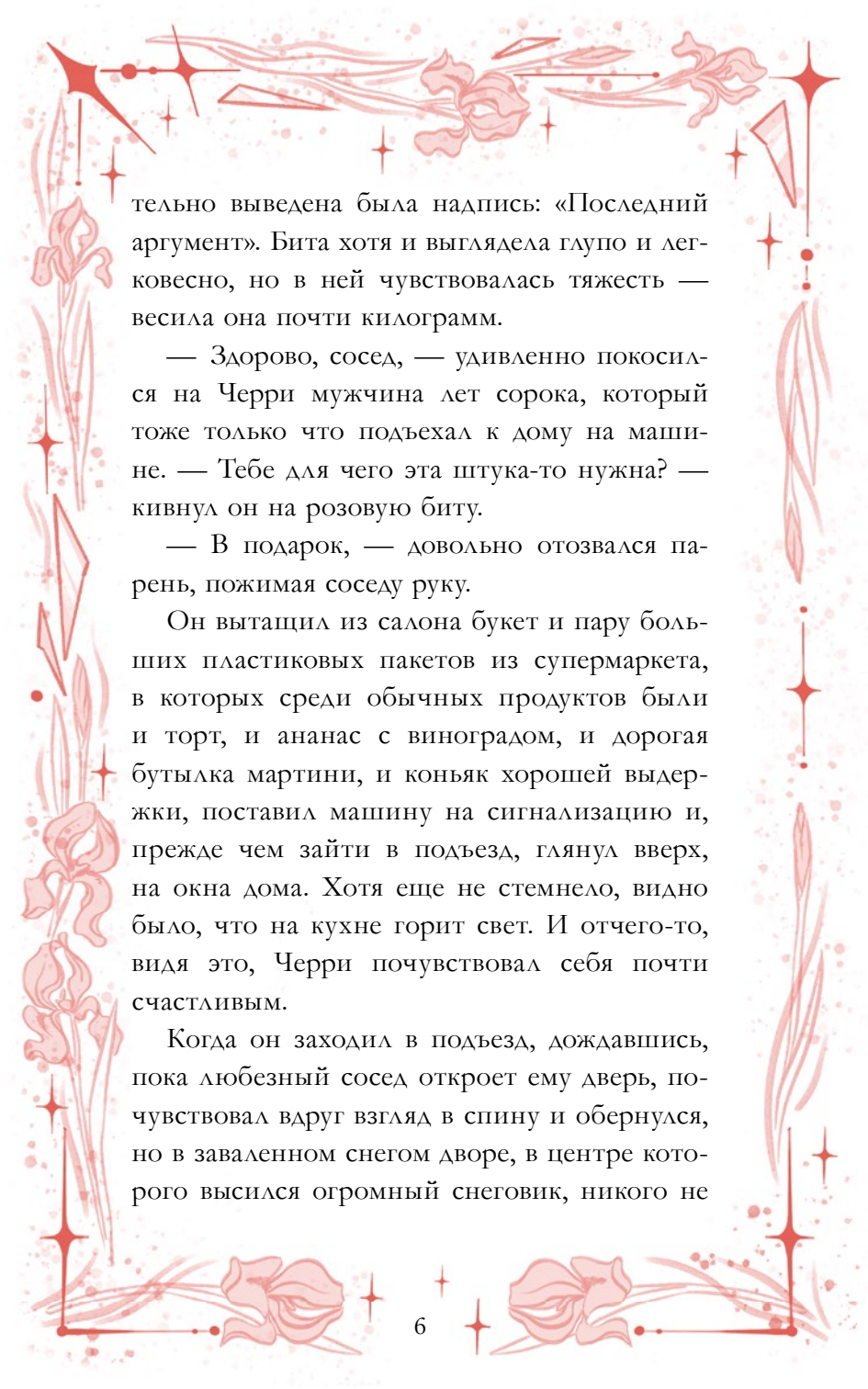

Глава 1

ОКОЛО НОВЕНЬКОГО ВЫСОКОГО ДОМА-СВЕЧКИ — такие есть в каждом новом районе — остановился большой внедорожник. Он был несколько потрепан и требовал посещения автомойки, однако темноволосый и темноглазый водитель его, кажется, думал совершенно о другом. Черри заботили лишь цветы — сиреневые ирисы, завернутые в простую газетную бумагу и лежавшие на пассажирском сиденье. Он наспех припарковался, едва не задев чью-то криво поставленную машину, залез в карман пуховика, словно проверяя что-то, удостоверился, что ничего не потерял, и вылез из машины. Тотчас по щекам ударил невидимой дланью мороз, и теплолюбивый Черри поежился. Несмотря на начало декабря, холод стоял собачий.

Парень поспешил к багажнику и с ухмылкой достал из него бейсбольную биту яркорозового цвета, на которой весьма вырази-

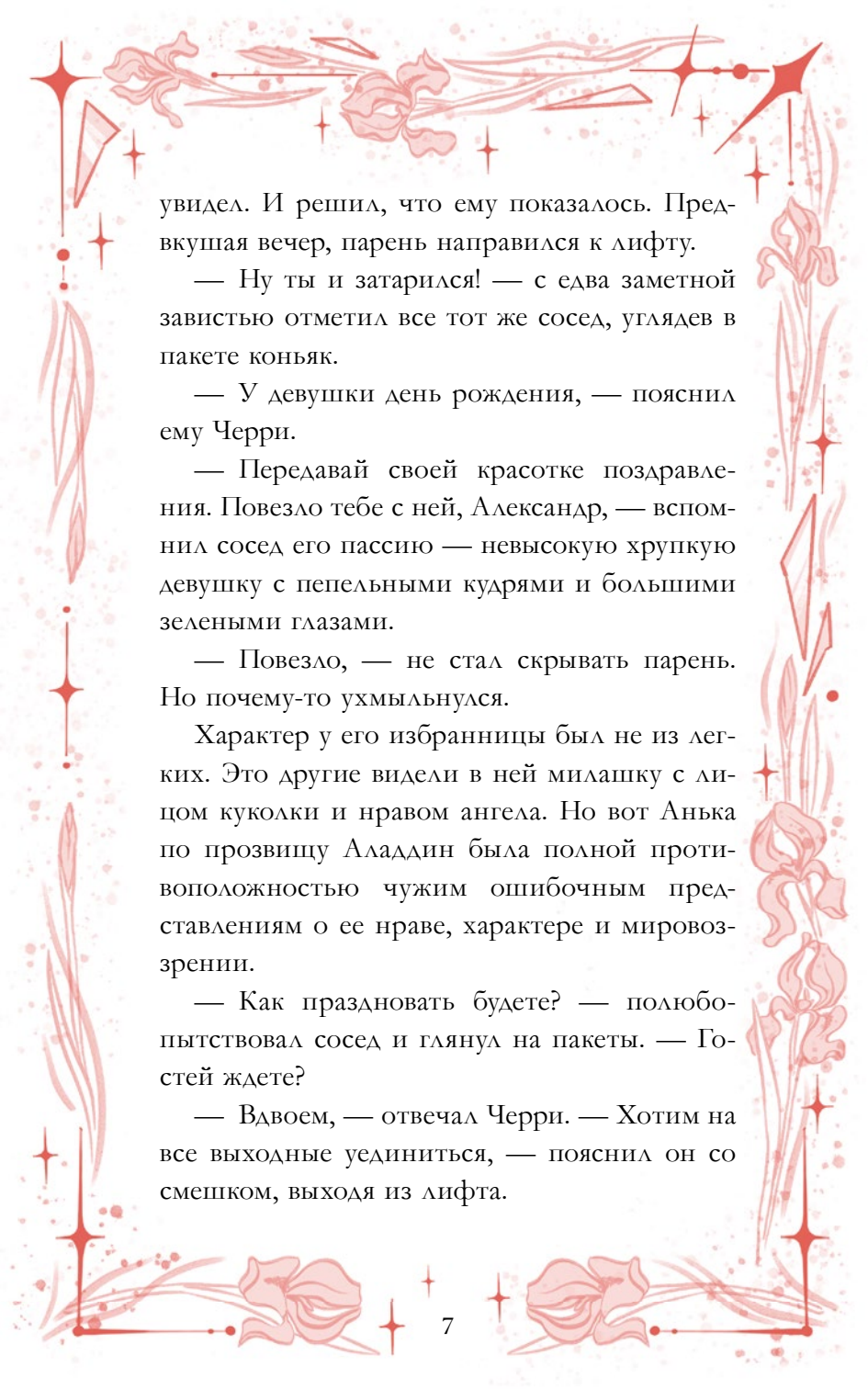
тельно выведена была надпись: «Последний аргумент». Бита хотя и выглядела глупо и легковесно, но в ней чувствовалась тяжесть — весила она почти килограмм.

— Здорово, сосед, — удивленно покосился на Черри мужчина лет сорока, который тоже только что подъехал к дому на машине. — Тебе для чего эта штука-то нужна? — кивнул он на розовую битку.

— В подарок, — довольно отозвался парень, пожимая соседу руку.

Он вытащил из салона букет и пару больших пластиковых пакетов из супермаркета, в которых среди обычных продуктов были и торт, и ананас с виноградом, и дорогая бутылка мартини, и коньяк хорошей выдержки, поставил машину на сигнализацию и, прежде чем зайти в подъезд, глянул вверх, на окна дома. Хотя еще не стемнело, видно было, что на кухне горит свет. И отчего-то, видя это, Черри почувствовал себя почти счастливым.

Когда он заходил в подъезд, дождавшись, пока любезный сосед откроет ему дверь, почувствовал вдруг взгляд в спину и обернулся, но в заваленном снегом дворе, в центре которого высился огромный снеговик, никого не

увидел. И решил, что ему показалось. Предвкушая вечер, парень направился к лифту.

— Ну ты и затарился! — с едва заметной завистью отметил все тот же сосед, углядев в пакете коньяк.

— У девушки день рождения, — пояснил ему Черри.

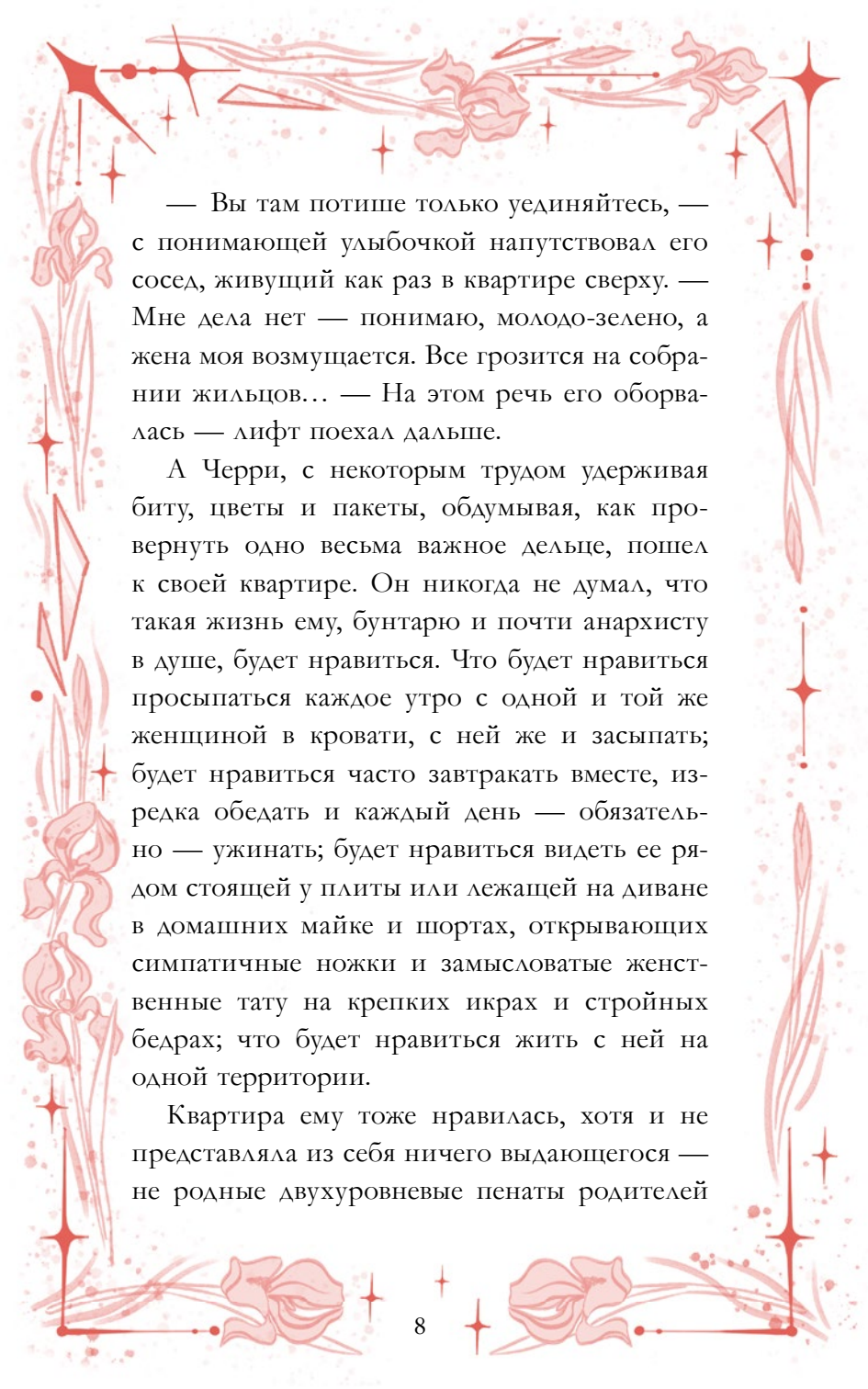
— Передавай своей красотке поздравления. Повезло тебе с ней, Александр, — вспомнил сосед его пассию — невысокую хрупкую девушку с пепельными кудрями и большими зелеными глазами.

— Повезло, — не стал скрывать парень. Но почему-то ухмыльнулся.

Характер у его избранницы был не из легких. Это другие видели в ней милашку с лицом куколки и нравом ангела. Но вот Анька по прозвищу Аладдин была полной противоположностью чужим ошибочным представлениям о ее нраве, характере и мировоззрении.

— Как праздновать будете? — полюбопытствовал сосед и глянул на пакеты. — Гостей ждете?

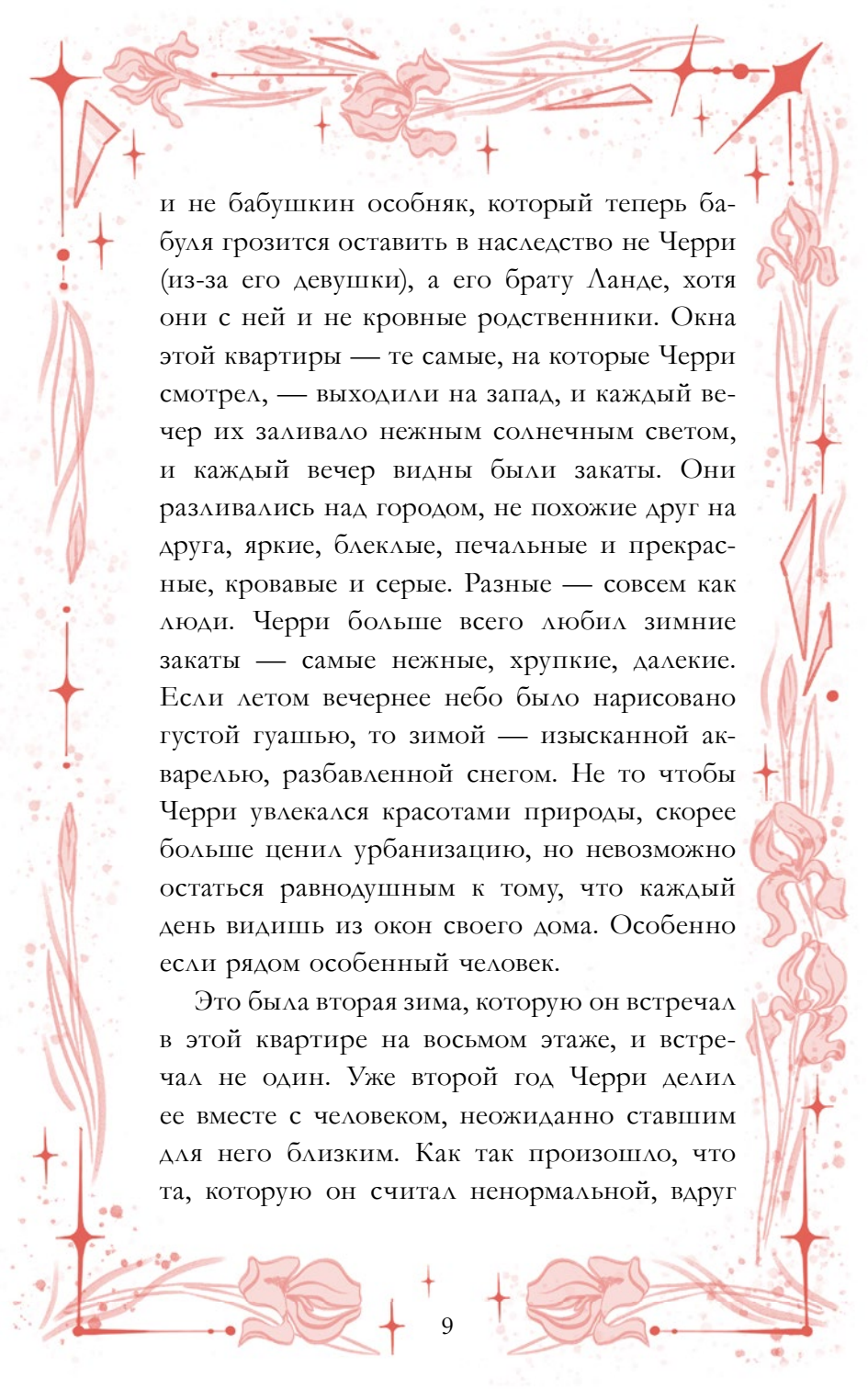
— Вдвоем, — отвечал Черри. — Хотим на все выходные уединиться, — пояснил он со смешком, выходя из лифта.

— Вы там потише только уединяйтесь, — с понимающей улыбочкой напутствовал его сосед, живущий как раз в квартире сверху. — Мне дела нет — понимаю, молодо-зелено, а жена моя возмущается. Все грозитя на собрании жильцов... — На этом речь его оборвалась — лифт поехал дальше.

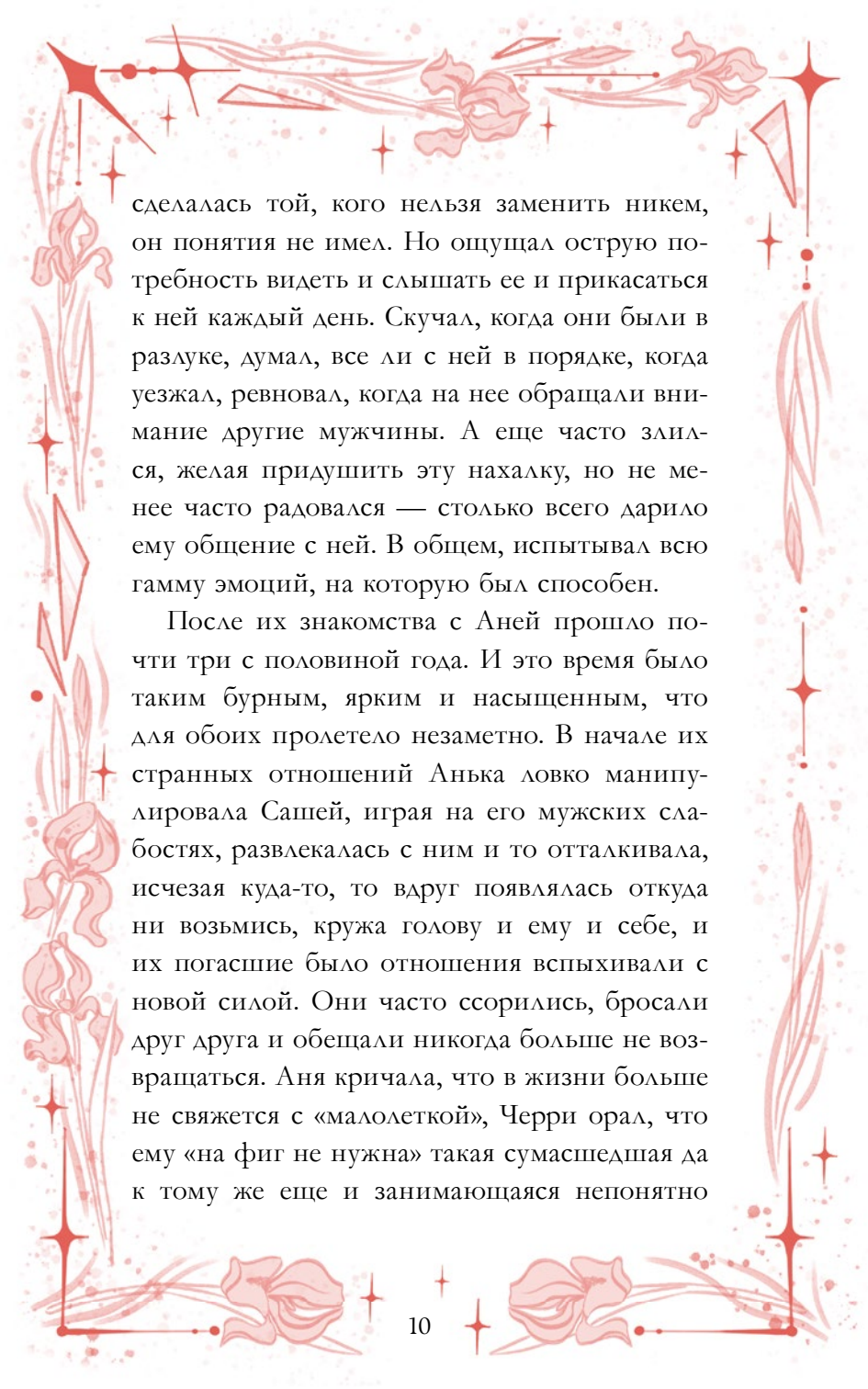
А Черри, с некоторым трудом удерживая биту, цветы и пакеты, обдумывая, как вернуть одно весьма важное дельце, пошел к своей квартире. Он никогда не думал, что такая жизнь ему, бунтарю и почти анархисту в душе, будет нравиться. Что будет нравиться просыпаться каждое утро с одной и той же женщиной в кровати, с ней же и засыпать; будет нравиться часто завтракать вместе, изредка обедать и каждый день — обязательно — ужинать; будет нравиться видеть ее рядом стоящей у плиты или лежащей на диване в домашних майке и шортах, открывающих симпатичные ножки и замысловатые женственные тату на крепких икрах и стройных бедрах; что будет нравиться жить с ней на одной территории.

Квартира ему тоже нравилась, хотя и не представляла из себя ничего выдающегося — не родные двухуровневые пенаты родителей

A decorative border in red ink surrounds the text. It features stylized flowers, leaves, and star-like shapes. The top border has a large flower in the center, flanked by stars and leaves. The bottom border has two large flowers. The sides are decorated with vertical elements like leaves and stars.

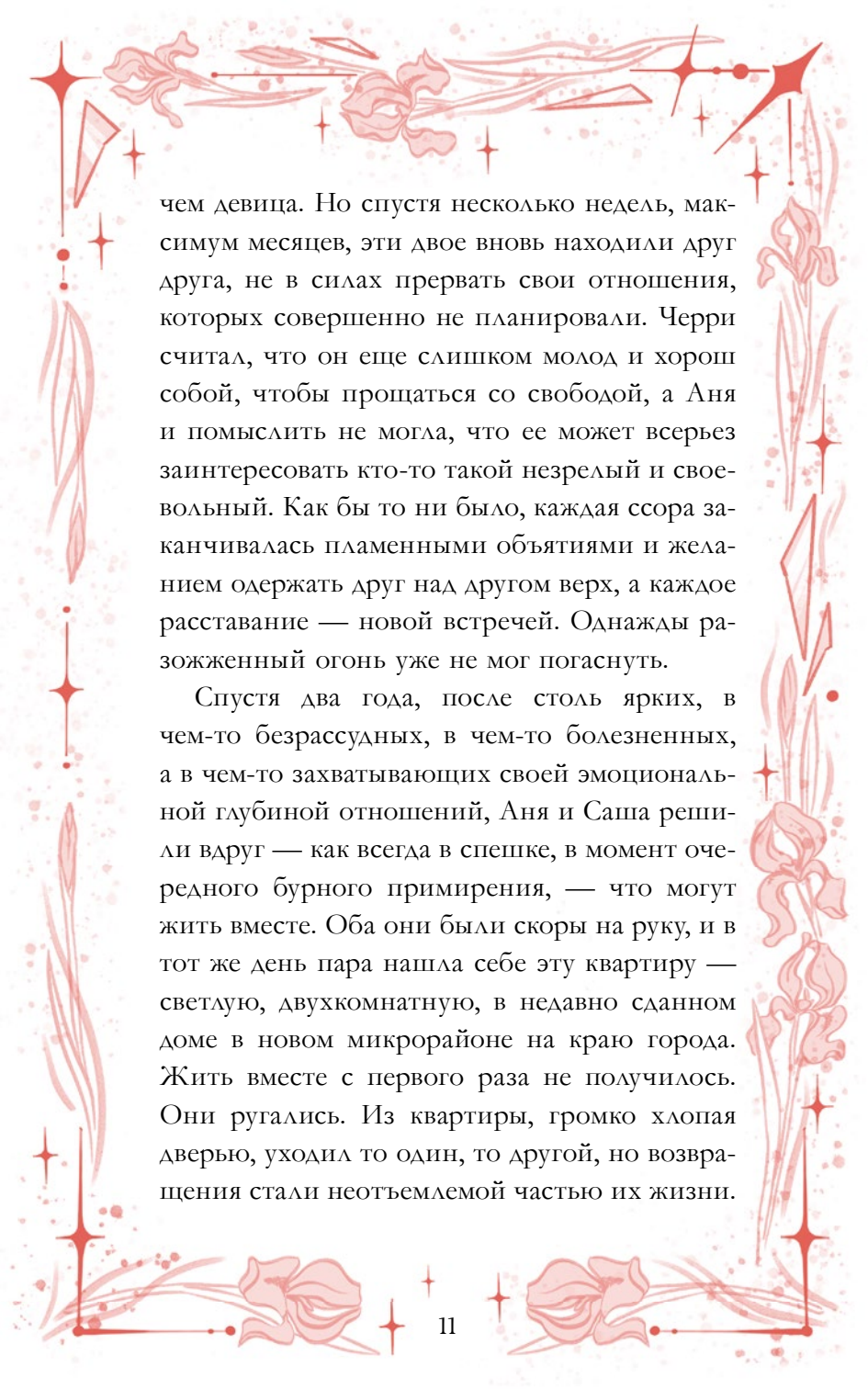
и не бабушкин особняк, который теперь ба-
буля грозит оставить в наследство не Черри
(из-за его девушки), а его брату Ланде, хотя
они с ней и не кровные родственники. Окна
этой квартиры — те самые, на которые Черри
смотрел, — выходили на запад, и каждый ве-
чер их заливало нежным солнечным светом,
и каждый вечер видны были закаты. Они
разливались над городом, не похожие друг на
друга, яркие, блеклые, печальные и прекрас-
ные, кровавые и серые. Разные — совсем как
люди. Черри больше всего любил зимние
закаты — самые нежные, хрупкие, далекие.
Если летом вечернее небо было нарисовано
густой гуашью, то зимой — изысканной ак-
варелью, разбавленной снегом. Не то чтобы
Черри увлекался красотами природы, скорее
больше ценил урбанизацию, но невозможно
остаться равнодушным к тому, что каждый
день видишь из окон своего дома. Особенно
если рядом особенный человек.

Это была вторая зима, которую он встречал
в этой квартире на восьмом этаже, и встре-
чал не один. Уже второй год Черри делил
ее вместе с человеком, неожиданно ставшим
для него близким. Как так произошло, что
та, которую он считал ненормальной, вдруг

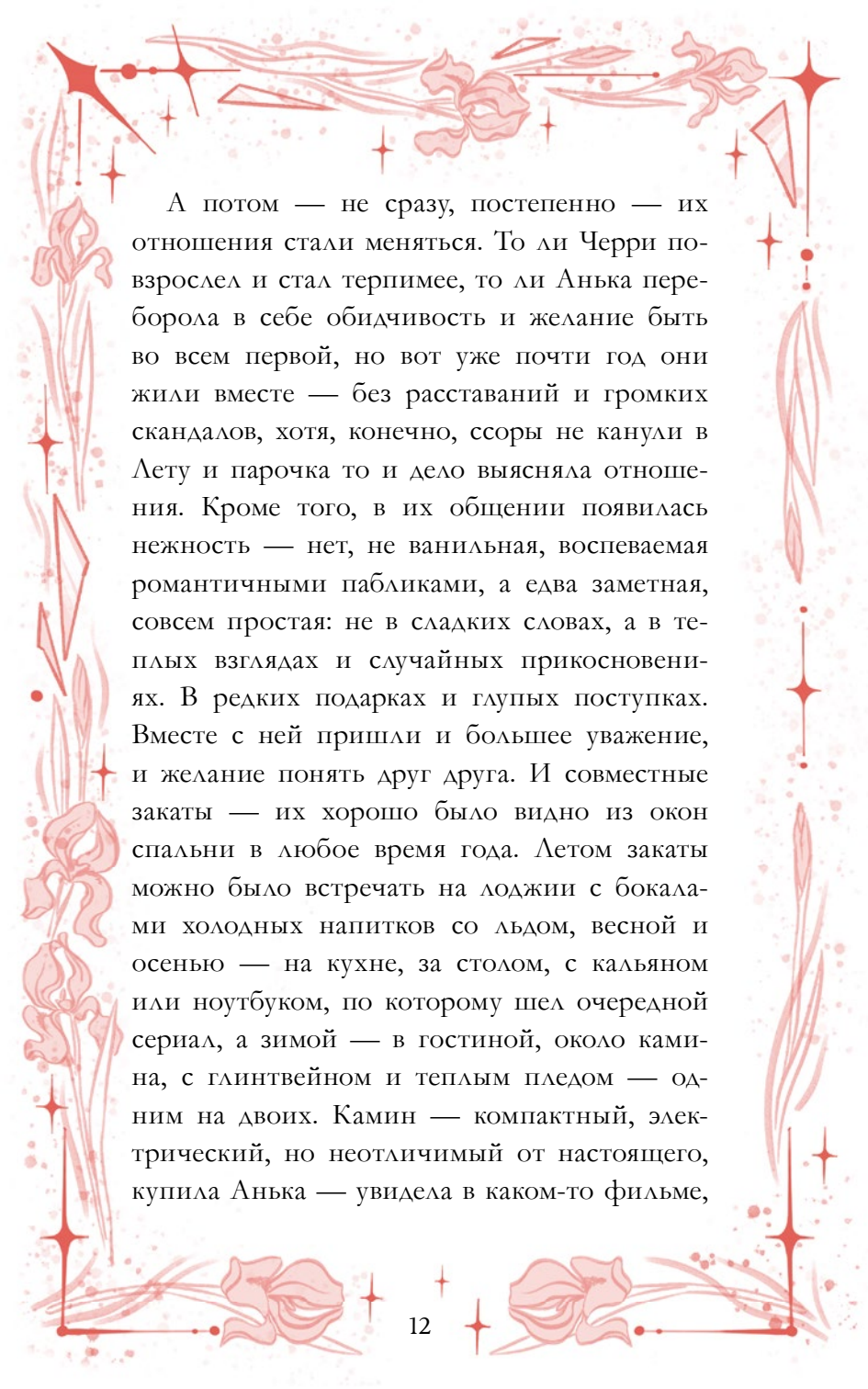
сделалась той, кого нельзя заменить никем, он понятия не имел. Но ощущал острую потребность видеть и слышать ее и прикасаться к ней каждый день. Скучал, когда они были в разлуке, думал, все ли с ней в порядке, когда уезжал, ревновал, когда на нее обращали внимание другие мужчины. А еще часто злился, желая придушить эту нахалку, но не менее часто радовался — столько всего дарило ему общение с ней. В общем, испытывал всю гамму эмоций, на которую был способен.

После их знакомства с Аней прошло почти три с половиной года. И это время было таким бурным, ярким и насыщенным, что для обоих пролетело незаметно. В начале их странных отношений Анька ловко манипулировала Сашей, играя на его мужских слабостях, развлекалась с ним и то отталкивала, исчезая куда-то, то вдруг появлялась откуда ни возьмись, кружа голову и ему и себе, и их погасшие были отношения вспыхивали с новой силой. Они часто ссорились, бросали друг друга и обещали никогда больше не возвращаться. Аня кричала, что в жизни больше не свяжется с «малолеткой», Черри орал, что ему «на фиг не нужна» такая сумасшедшая да к тому же еще и занимающаяся непонятно

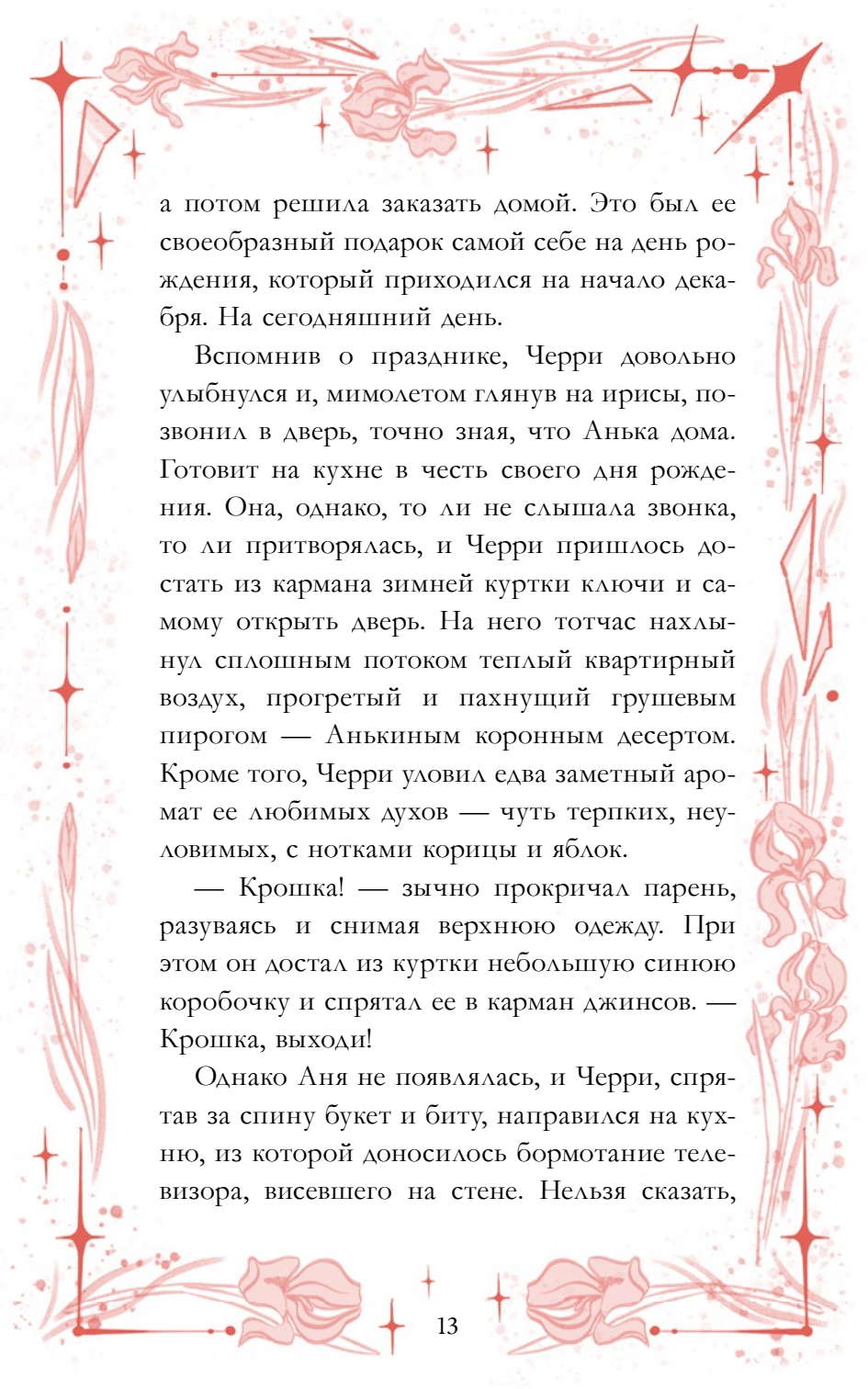

чем девица. Но спустя несколько недель, максимум месяцев, эти двое вновь находили друг друга, не в силах прервать свои отношения, которых совершенно не планировали. Черри считал, что он еще слишком молод и хорош собой, чтобы прощаться со свободой, а Аня и помыслить не могла, что ее может всерьез заинтересовать кто-то такой незрелый и своевольный. Как бы то ни было, каждая ссора заканчивалась пламенными объятиями и желанием одержать друг над другом верх, а каждое расставание — новой встречей. Однажды разожженный огонь уже не мог погаснуть.

Спустя два года, после столь ярких, в чем-то безрассудных, в чем-то болезненных, а в чем-то захватывающих своей эмоциональной глубиной отношений, Аня и Саша решили вдруг — как всегда в спешке, в момент очередного бурного примирения, — что могут жить вместе. Оба они были скоры на руку, и в тот же день пара нашла себе эту квартиру — светлую, двухкомнатную, в недавно сданном доме в новом микрорайоне на краю города. Жить вместе с первого раза не получилось. Они ругались. Из квартиры, громко хлопая дверью, уходил то один, то другой, но возвращения стали неотъемлемой частью их жизни.

А потом — не сразу, постепенно — их отношения стали меняться. То ли Черри повзрослел и стал терпимее, то ли Анька переборола в себе обидчивость и желание быть во всем первой, но вот уже почти год они жили вместе — без расставаний и громких скандалов, хотя, конечно, ссоры не канули в Лету и парочка то и дело выясняла отношения. Кроме того, в их общении появилась нежность — нет, не ванильная, воспеваемая романтическими пабликами, а едва заметная, совсем простая: не в сладких словах, а в теплых взглядах и случайных прикосновениях. В редких подарках и глупых поступках. Вместе с ней пришли и большее уважение, и желание понять друг друга. И совместные закаты — их хорошо было видно из окон спальни в любое время года. Летом закаты можно было встречать на лоджии с бокалами холодных напитков со льдом, весной и осенью — на кухне, за столом, с кальяном или ноутбуком, по которому шел очередной сериал, а зимой — в гостиной, около камина, с глинтвейном и теплым пледом — одним на двоих. Камин — компактный, электрический, но неотличимый от настоящего, купила Анька — увидела в каком-то фильме,

а потом решила заказать домой. Это был ее своеобразный подарок самой себе на день рождения, который приходился на начало декабря. На сегодняшний день.

Вспомнив о празднике, Черри довольно улыбнулся и, мимоходом глянув на ирисы, позвонил в дверь, точно зная, что Анька дома. Готовит на кухне в честь своего дня рождения. Она, однако, то ли не слышала звонка, то ли притворялась, и Черри пришлось достать из кармана зимней куртки ключи и самому открыть дверь. На него тотчас нахлынул сплошным потоком теплый квартирный воздух, прогретый и пахнувший грушевым пирогом — Анькиным коронным десертом. Кроме того, Черри уловил едва заметный аромат ее любимых духов — чуть терпких, неуловимых, с нотками корицы и яблок.

— Крошка! — зычно прокричал парень, разуваясь и снимая верхнюю одежду. При этом он достал из куртки небольшую синюю коробочку и спрятал ее в карман джинсов. — Крошка, выходи!

Однако Аня не появлялась, и Черри, спрятав за спину букет и битую бутылку, направился на кухню, из которой доносилось бормотание телевизора, висевшего на стене. Нельзя сказать,